

В. И. Мусаев

Институт истории РАН, Санкт-Петербург

Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX – начало XX в.)

Заинтересованность российских властей в заселении и хозяйственном освоении побережья Кольского полуострова впервые стала серьезно проявляться к началу 1860-х гг. Стратегически важный Мурманский берег до этого времени был почти необитаем. Здесь существовало лишь несколько поселений норвежцев, самовольно обосновавшихся на побережье в конце 1850-х гг. Русские поморы не слишком охотно селились в этих местах, и местные власти стали поощрять переселение на Мурманский берег не только русских рыбаков, но и переселенцев из Финляндии и Скандинавии. По ходатайству архангельского губернатора 31 августа 1860 г. российское правительство дало официальное разрешение финнам и норвежцам селиться на Мурмане при условии принятия главами семейств российского подданства¹. В 1864 г. на Мурманском берегу было основано финское поселение Ура, в том же году выходцы из Норвегии поселились в Вайтокупе (Вайтолахти), Земляной и на побережье Печенгской губы. К 1867 г. в этих поселениях, а также в колониях Червоная и Земляная проживали 114 финнов и 61 норвежец². Таким образом, Мурманский берег начал превращаться в очередную этноконтактную зону Русского Севера.

В 1868 г., по инициативе архангельского губернатора князя С. П. Гагарина, были исходатайствованы льготы для желающих переселиться на Мурманский берег как русских, так и иностранных промышленников: им предоставлялись ссуды размером от 50 до 150 рублей сроком на шесть лет, они на восемь лет освобождались от платежа податей, получали разрешение на беспошлинный провоз иностранных товаров для собственного потребления или продажи в колониях и право заниматься промыслами пушных зверей и птиц и ловить рыбу в реках и озерах вблизи колоний. В торговле с Норвегией поселенцы получали те же права и привилегии, которыми с 1830-х гг. пользовались поморы. Кроме того, финны и норвежцы получили право обращаться к местным властям на своем родном языке и приобретать хлеб на наличные деньги или по кредитам в государственных магазинах³. Эти льготы были утверждены и дополнены величайшим положением, утвержденным 14 мая 1876 г.; был, в частности, внесен пункт о пособии в 100–200 рублей на покупку леса для постройки жилья

или судна⁴. С этого времени берега Ледовитого океана стали заселяться более активно. Если в 1872 г. население Мурманского берега составляло 582 человека, то уже год спустя его численность превысила 800 человек. При этом, как отмечала архангельская газета «Голос», «лучшие удобные для поселения места захватили норвежцы и финляндцы, так что русским пришлось селиться на местах, представляющих меньше выгод». По утверждению той же газеты, «лучше всех живут финляндцы – люди чрезвычайно трудолюбивые и трезвые»⁵. К началу 1880-х гг. на побережье в 21 поселении проживали 326 русских и карелов, 305 финнов, 245 норвежцев⁶. Высочайше утвержденным 28 декабря 1890 г. мнением Государственного Совета льготы для мурманских поселенцев были продлены на неопределенное время⁷.

Финны стали самой крупной этнической группой среди колонистов. В 1882 г. их насчитывалось 625 человек в 11 поселениях на Мурмане. Финны жили в колониях вдоль побережья от Кольского залива до Рыбачьего полуострова. Самыми крупными финскими поселками были Пууманки (220 жителей) и Уура (150 жителей). К 1897 г. население колонии Уура составляло уже около 250 человек⁸. Большинство финляндцев, переселившихся на Мурман (83%), были выходцами из Улеаборгской (Оулуской) губернии, среди которых было особенно много уроженцев прихода Куусамо (которые преимущественно селились в колонии Пууманки)⁹. Финские колонисты не только занимались рыболовством, но также разводили скот и, кроме того, строили из местного леса лодки и с выгодой для себя продавали их в Норвегии. Жизнь финской общины на Мурмане была весьма замкнутой, с коренным русским и саамским населением контакты были редкими и не всегда мирными. Коренных жителей, в частности, раздражало, что поселенцы бесплатно пользовались строительным лесом. Определенное влияние со стороны финских поселенцев местные русские все же испытали (в частности, научились у них выделывать непромокаемые сапоги и варежки из овечьей шерсти)¹⁰. Несмотря на сложные условия существования, финны на Мурмане, по свидетельствам очевидцев, добились относительного процветания, их численность росла довольно быстро. Норвежцы селились в основном на восточном берегу полуострова Рыбачий. Самым крупным норвежским поселком был Цыпнаволок, в котором в 1875 г. проживал 31 человек¹¹. Некоторые финские и норвежские поселенцы, рассчитывая выехать в США или Канаду, но, не имея это средств, поначалу селились на Мурмане и затем уже оттуда перебирались за океан. В 1873 г., к примеру, с Мурмана в Северную Америку уехали 12 семей¹². Въезд новых поселенцев, однако, стойко преобладал над выездом. По данным переписи населения 1897 г., в Кольском уезде

Архангельской губернии проживали 1276 финляндских подданных¹³. В 1899 г. финны составляли 42% населения Мурманского берега, русские и карелы вместе составляли 44%, норвежцы – 8%. В 1902 г., по сведениям Евангелическо-Лютеранской генеральной консистории, на Мурманском берегу в 28 поселениях жили уже «около 1470 лиц финской национальности и около 120 норвежцев лютеранского исповедания»¹⁴.

Для исполнения духовных треб в финские колонии на Мурмане первое время приезжали пасторы из Финляндии, однако архангельские губернские власти с подозрением относились к этим приездам, опасаясь, что финские лютеранские священники будут заниматься не только духовным призрением своих соплеменников, но и пропагандой среди местных православных. В 1889 г. Министерство внутренних дел запретило проповедникам из Финляндии посещение Мурманского берега, а колонисты-лютеране в духовном отношении были подчинены ведению Архангельского лютеранского прихода¹⁵. Это решение, однако, вскоре было признано неудачным как Архангельским приходом, так и Евангелическо-Лютеранской генеральной консисторией¹⁶. Последняя для временного решения проблемы организации богослужений считала необходимым командирование на Мурманский берег «одного из проповедников Ингерманландского округа, владеющего как русским, так и финским языками». В 1890 г. генеральная консистория возложила это поручение на члена С.-Петербургской лютеранской консистории пастора Отто Рокканена. В течение нескольких лет лютеран Мурманского берега для ведения среди них духовной работы посещал Рокканен, затем пастор прихода Колтуши Пааво Ватанен, а средства на их приезды отпускались из финляндской казны. Во второй половине 1890-х гг., однако, эти визиты прекратились вследствие приостановки их финансирования. Жители колонии Ура жаловались посетившему их журналисту из Оулу А. В. Эрвасти на то, что в духовном отношении они оказались совершенно заброшены и что ситуация может привести в конечном итоге к тому, что они обратятся в православие. Строительство часовни, начатое в колонии еще в 1873 г., так и не было закончено¹⁷.

В 1899 и 1900 гг. архангельский губернатор ставил вопрос об образовании самостоятельного лютеранского прихода на Мурмане, однако возражения против этого высказывались со стороны архангельского епископа, который, не возражая в принципе против основания лютеранского прихода, считал, что одновременно с этим необходимо «усилить пастырский надзор за православными жителями Мурманского побережья», и не хотел давать разрешение на открытие лютеранского прихода до основания православных приходов в Печенге и Титовке¹⁸. В августе 1901 г. по предложению

МВД было, наконец, разрешено образовать для колонистов-лютеран Мурманского берега особый приход со своим пастором. Ввиду отсутствия необходимых средств это решение, однако, было реализовано далеко не сразу¹⁹. Лишь 9 (22) января 1903 г. последовало высочайшее императорское повеление Финляндскому Сенату «отпускать из финляндских казенных сумм, впредь до времени, считая с 1 января 1903 г., ежегодно по три тысячи марок в виде пособия на содержание евангелическо-лютеранского пастора, с тем, чтобы последний назначался С.-Петербургской Евангелическо-Лютеранской консисторией, постоянно проживал на Мурманском берегу и чтобы к обязанностям его относилось удовлетворение духовных нужд финляндских уроженцев, проживающих на Кольском полуострове, и исполнение для них духовных треб»²⁰. Евангелическо-лютеранский приход на Мурмане был, наконец, образован, а на должность его проповедника, по ходатайству С.-Петербургской консистории, был назначен адъюнкт-пастор прихода Дудергоф-Хиетамяки в Царскосельском уезде Петербургской губернии Андерс Густав Вуотила²¹.

Иностранные поселенцы, безусловно, способствовали хозяйственному освоению Мурманского побережья. Жизнь финских и норвежских колоний протекала, однако, по-прежнему в условиях относительной обособленности: языковой барьер и конфессиональные различия препятствовали слиянию с русским населением, на которое первоначально рассчитывали местные власти²². Недовольство властей вызывали также хищнические порубки леса, которые практиковали иностранные поселенцы. Более того, у финских и норвежских колонистов подчас возникали трения и противоречия с русскими поселенцами и местными лопарями (саамами). К тому же колонисты, пользуясь льготами, разрешавшими беспопытный и свободный от акциза ввоз спиртных напитков и неограниченную торговлю ими в колониях и становищах, в погоне за наживой нередко спаивали лопарей спиртным²³ (при этом, по имевшимся сведениям, ром специально изготовлялся для Мурманского берега в Гамбурге из привозимого туда русского спирта; ежегодно на Мурман завозилось до 4000 анкером рома²⁴). Активность иностранных поселенцев на Мурмане, кроме того, выглядела в глазах российских властей не вполне желательной в условиях все более обострившихся экономических противоречий России с Норвегией. Еще в конце 1860-х гг. в российском МИДе не без тревоги отмечалось усиление внимания к Русскому Северу со стороны не только Швеции и Норвегии, но и других европейских держав²⁵. Ближе к концу столетия норвежская администрация всячески старалась ограничивать ловлю рыбы, которой русские поморы традиционно занимались у берегов северной норвежской провинции Финнмарк. В то же время норвежские

зверобои стали все чаще вторгаться в российские территориальные воды. В Архангельске и Петербурге все чаще раздавалась критика в адрес политики поощрения иностранной иммиграции на Севере России.

Как отмечалось в докладной записке исполняющего должность архангельского губернатора И. В. Сосновского в Министерство иностранных дел в ноябре 1908 г., «колонисты из норвежцев и финляндцев захватили на западном Мурмане лучшие места, изобилующие отличными и глубоко врезающимися в материк бухтами и прекрасными береговыми сенокосными полянами»²⁶. В записке обращалось внимание на необходимость усилить среди колонистов долю «коренного русского элемента» и, в частности, заселить русскими жителями пограничную с Норвегией полосу по течению р. Паз, предоставив поселенцам различные льготы и выделив им денежные пособия, а также урегулировать и разграничить права переселенцев и лопарей на земельные и рыбные угодья²⁷. В общей сложности на тот момент среди поселенцев на Мурманском берегу русских семей было 276 (44%), финских – 200 (32%), карельских и лопарских – 79 (12,5%), норвежских – 72 (11,5%). Русские семьи, таким образом, численно несколько преобладали. На Западном Мурмане, однако, сохранялось преобладание иностранных колонистов: здесь насчитывалось 110 финских семей, 65 карельских и лопарских, 63 норвежские и только 79 русских²⁸. К концу 1910-х гг. благодаря энергичным усилиям со стороны властей по стимулированию роста на Мурмане именно русских поселений доля русского населения несколько увеличилась и достигла 47%, финского и норвежского же сократилась до 40%²⁹. В годы Первой мировой войны, однако, началась новая волна переселений из Финляндии в Беломорскую Карелию и на Кольский полуостров: в 1915–1916 гг. несколько тысяч финских рабочих были заняты на строительстве Мурманской железной дороги.

После революции 1917 г. и провозглашения независимости Финляндии значительное количество подданных бывшего Великого княжества Финляндского выехало из России. С Кольского полуострова финны выезжали в Финляндию, однако гораздо меньше, чем из других российских регионов. Большая часть финских колоний на Мурмане после 1917 г. сохранилась. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., финское население Мурманской губернии составляло 1697 человек. Финны проживали более чем в 56 населенных пунктах Кольского полуострова, в семи из них они составляли 100% населения. В целом по губернии доля финнов составляла 7,4% населения³⁰. До середины 1930-х гг., в период проведения политики коренизации в сфере национальных отношений, в Мурманском округе существовало

несколько финских и норвежских национальных сельсоветов и финский национальный район. С конца 1920-х гг., однако, началось постепенное сокращение финского населения на Мурмане: по данным газеты «Вапаус», в 1929 г. она составила лишь 1121 человек³¹. В начале 1930-х гг. резкие изменения в жизнь финских и норвежских колоний внесла коллективизация. Нарушение привычного уклада жизни поселенцев привело к тому, что многие колонисты были вынуждены переселиться в города или лесные поселки. Другим обстоятельством, вызвавшим отток колонистов с Мурманского берега, было начавшееся в это же время строительство баз Северного флота, захватившее ряд гаваней на побережье. Постепенно начиналась и ассимиляция финских и норвежских поселенцев: межнациональные браки были теперь гораздо более распространенным явлением, чем раньше³².

Во второй половине 1930-х гг., когда в стране был взят курс на свертывание политики коренизации, финский национальный район и национальные советы на Кольском полуострове были ликвидированы, делопроизводство в учреждениях было полностью переведено на русский язык. В 1936–1938 гг., на волне борьбы со «шпионажем» и «буржуазным национализмом», многие финны были сняты с постов в партийных, советских и хозяйственных органах, некоторые из них подверглись репрессиям. В 1940 г., после образования Карело-Финской ССР, встал вопрос об увеличении среди жителей новой союзной республики доли «титульного» финского населения, пребывавшего тогда в явном дефиците. С этой целью в Карелию были переселены не только крестьяне-ингерманландцы, высланные на Кольский полуостров в начале 1930-х гг. в период коллективизации и находившиеся там на положении спецпоселенцев, но и вольные финские колонисты с Мурманского берега³³. Переселение 1940 г. довершило процесс исчезновения финской колонии на Мурмане.

Осуществление колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX в. представляло собой, таким образом, интересный и неоднозначный опыт. Намерения инициаторов переселенческой кампании оправдались лишь отчасти. Дикое прежде побережье Баренцева моря действительно было довольно быстро освоено. Однако активность финских и норвежских колонистов на Мурмане и, с другой стороны, их замкнутость и обособленность вскоре стали вызывать недовольство и местного населения, и центральных и губернских властей. Перспективы более гармоничного развития этнокультурных контактов на Мурмане, наметившиеся в 1920-е гг., были прерваны в результате репрессивных мероприятий следующего десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архангельские губернские ведомости. 1864. 24 февраля.
- ² Kiseljov A. Kuolan suomalaiset // Punalippu. 1989. № 11. S. 90.
- ³ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 391, оп. 1, д. 8, л. 70; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 155. I–5, оп. 445, д. 3, л. 18об.–19.
- ⁴ АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 13, л. 251–252.
- ⁵ Голос. 1882. 3 марта.
- ⁶ Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interactions in the North Calotte from 1808 to 1889. Vaajakoski, 2006. P. 286.
- ⁷ АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 29, л. 16.
- ⁸ РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 162, л. 26.
- ⁹ Engman M. Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century // Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. No. 2. P. 158; Lähteenmäki M. Op. cit. P. 289.
- ¹⁰ Kiseljov A. Op. cit. S. 91.
- ¹¹ Lähteenmäki M. Op. cit. P. 289.
- ¹² АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 13, л. 109.
- ¹³ Центральный государственный архив С.-Петербурга, ф. 143, оп. 4, д. 8, л. 69об.–70; РГИА, ф. 1290, оп. 11, д. 26, л. 4. Все население уезда составляло тогда 8580 человек.
- ¹⁴ РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 162, л. 59об.
- ¹⁵ Там же, л. 1–3, 31.
- ¹⁶ Нецелесообразность этого решения была мотивирована следующими соображениями: «1. Высочайше утвержденный в 1817 г. устав Архангельского евангелического общества не совсем согласуется с обрядами лютеранской церкви, к которой принадлежат Мурманские колонисты; 2. пастор Архангельской евангелической церкви не знает ни финского, ни норвежского языков, а Мурманские колонисты, в свою очередь, не знают немецкого языка; 3. при поездке пастора на Мурман, хотя бы два раза в течение навигации, на что потребуется всякий раз не менее 2–3 недель, Архангельский евангелический приход будет оставаться более месяца без пастора, духовные же потребности Мурманских колонистов не будут также удовлетворены при подобных кратковременных наездах два раза в год пастора» (Там же, л. 41об.).
- ¹⁷ Lähteenmäki M. Op. cit. P. 290, 293.
- ¹⁸ РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 162, л. 56.
- ¹⁹ Там же, л. 59–59об.
- ²⁰ Там же, л. 60.
- ²¹ Там же, л. 69.
- ²² Исполняющий обязанности архангельского губернатора И. В. Сосновский возмущался по этому поводу: «Все получивши от новой родины, не неся в то же время никаких по отношению к ней повинностей, колонисты из финнов и норвежцев не считают даже нужным овладеть хотя бы разговорной русской речью» (АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 29, л. 17).

²³ Киселев А. А., Киселева Т. А. Национальные меньшинства Кольского полуострова и государственная политика России по отношению к ним // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 252.

²⁴ АВПРИ, ф. 155. 1–5, оп. 445, д. 13, л. 111 об. Анкер – ок. 35 литров.

²⁵ Там же, д. 3, л. 4–5.

²⁶ Там же, д. 29, л. 16об.

²⁷ Там же, л. 18об.–19об.

²⁸ Там же, л. 16об.

²⁹ Lähteenmäki M. Op. cit. P. 286, 289.

³⁰ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 18–19. Кольский полуостров был выведен из состава Архангельской губернии и выделен в отдельную губернию в начале 1920-х гг. В 1927–1938 гг. территория полуострова составляла отдельный округ в составе Ленинградской области.

³¹ Vapaus. 1931. 30 tammikuuta.

³² Kiseljov A. Op. cit. S. 93–94.

³³ Ibid. S. 100–101.